

Говард Филлипс Лавкрафт

Изгой

(The Outsider)

*В ту ночь Барону снились многие напасти.
И гости - воины его в обличье диком, страшном -
Ведьм, демонов, червей громадных, трупных -
Предстали перед ним в одном кошмаре...*

Kumc

Несчастен тот, кому воспоминания детства навевают лишь чувства страха и печали; вызывает жалость то создание, которое, оглядываясь назад, восстанавливает в своей памяти лишь долгие, одинокие часы, проведенные в громадных и гнетущих палатах с коричневыми шторами на окнах и сводящими с ума своим однообразием рядами антикварных книг; достойно сожаления и существо, испытывающее благоговейный страх при виде того, как в сгущающихся сумерках молчаливо теснятся причудливые, гигантские, оплетенные вьющимися растениями деревья, молчаливо покачивающиеся где-то далеко наверху своими искривленными ветвями. Все это действительно достойно крайнего сожаления и даже скорби, но именно такой жребий уготовили мне боги - мне, потрясенному, разочарованному, выхолощенному, сломленному. И все же я испытываю странное удовлетворение и изо всех сил цепляюсь именно за эти почти увядшие воспоминания, причем делаю это особенно рьяно в те моменты, когда мой рассудок угрожает протянуться дальше - к воспоминаниям совершенно иного свойства.

Я не знаю, где и когда родился; известно мне разве лишь то, что замок этот всегда был бесконечно старым и столь же омерзительным со всеми его многочисленными и запутанными темными переходами и сумрачными, высокими потолками, где взгляд мог выхватить лишь скопления паутины и непроницаемую тень. Влажные камни в его осыпающихся коридорах всегда казались мне угрюмыми и гнетущими, и повсюду там стоял мерзкий, затхлый запах, словно исходивший от скопившихся за многие столетия и наваленных в кучу трупов. Там царил вечный полумрак, а потому я всегда зажигал свечи и подолгу вглядывался в их пламя, желая испытать хотя бы слабое облегчение; да и снаружи никогда не хватало солнечного света, поскольку окружавшие замок дикие деревья простирались далеко ввысь, смыкая свои кроны над самыми высокими башнями замка. Была там, правда, одна - черная башня, которая сама возвышалась над деревьями и устремлялась в неведомое мне небо, однако время частично разрушило каменную кладку и потому взобраться на нее можно было лишь посредством почти невообразимого карабка по отвесной стене, цепляясь буквально за каждый камень.

Наверное, я провел в тех местах несколько лет, однако не в состоянии более точно измерить прожитое там время. Кто-то, видимо, заботился о том, чтобы у меня было все необходимое, хотя и не могу припомнить никого, кроме себя самого, и вообще ничего живого, если не считать бесшумно передвигающихся крыс, летучих мышей да еще разве что пауков. Мне представляется, что кто бы за мной ни ухаживал в те годы, он должен был быть чудовищно старым, поскольку мое первое впечатление о живом человеке

заклучалось в пародии на меня самого, к тому же изуродованной, сморщенной, едва ли не рассыпающейся на части, под стать самому замку. Лично для меня не было ничего нелепого и, тем более, страшного в костях и скелетах, наваленных в каменных склепах в подвалах замка, поскольку я фантастическим образом увязывал все эти вещи с повседневными событиями и считал их более естественными и привычными, чем цветные изображения живых людей, которые я встречал в многочисленных заплесневелых книгах.

Именно из этих книг я и узнал все то, что знаю теперь. Никакой наставник не учил и не направлял меня, и за все эти годы я не припоминаю ни одного случая, когда бы услышал звук человеческого голоса - даже своего собственного, поскольку хотя в тех книгах и встречались диалоги, мне ни разу не приходило в голову воспроизвести их вслух. Я также не имел ни малейшего представления о собственной внешности, ибо в замке отсутствовали зеркала, и я лишь инстинктивно оценивал себя как нечто подобное молодым фигурам, нарисованным и описанным в книгах. Я осознавал свою молодость лишь потому, что слишком мало помнил о своем прошлом.

Я часами лежал снаружи, под росшими за зловонным крепостным рвом безмолвными, раскидистыми деревьями - лежал и мечтал о том, что прочитал в книгах, и часто с тоской представлял себя среди праздничной, веселящейся толпы в ином, уже солнечном мире, который простирался за пределами окружавших замок бесконечных лесов. Однажды я попытался было убежать, однако едва удалился от замка, как тени быстро сгустились, а воздух наполнился затаившимся, гнетущим страхом, а потому я как одержимый бросился назад, страшась одной лишь мысли о том, что могу окончательно заблудиться в лабиринте мрачного безмолвия.

Окутанный бесконечными сумерками, я грезил наяву и ждал - сам не зная, чего именно. Но однажды, окруженный сумрачным одиночеством, я испытал такую безумную тоску по свету, что больше не мог уже терпеть, и воздел молящие руки к черной, почти развалившейся башне, которая возвышалась над лесом и устремлялась в неведомое мне, наружное небо. И в конце концов решился взобраться на эту рукотворную скалу, даже с риском сорваться с нее, поскольку мне казалось: лучше увидеть небо и погибнуть, нежели жить, так ни разу и не узрев по-настоящему светлого дня.

Как-то раз, в один из промозглых сумрачных дней, я поднялся по истертые старым ступеням, достигнув того уровня, где они кончались, после чего пустился в опасное путешествие наверх, цепляясь за каждый малейший выступ или углубление. Угрюмым и ужасным казался мне этот мертвый, лишенный ступеней каменный цилиндр, черный, полуразвалившийся, необитаемый и зловещий, наполненный потревоженными летучими мышами, крылья которых не издавали в полете ни малейшего звука. Однако еще более мрачным и гнетущим казалось мне то, сколь медленно я продвигался вперед, ибо сколько я ни карабкался ввысь, темнота над головой совершенно не прояснялась, тогда как меня все более окутывало леденящее ощущение чего-то заколдованного, словно передо мной разверзалась многовековая могила. Я невольно вздрагивал при одной лишь мысли о том, что, наверное, так никогда и не доберусь до настоящего света, но все же не осмеливался посмотреть вниз. Мне показалось, что ночь совершенно неожиданно, как-то сразу окутала меня своим покрывалом, пока я тщетно пытался

дотянуться свободной рукой до оконной амбразуры, из которой мог бы глянуть как вверх, так и вниз, и попытаться определить, на какую высоту я взобрался.

Совершенно неожиданно, после всего этого бесконечного, наполненного страхом слепого карабканья по угрожающе отвесной стене, я почувствовал, как моя голова уткнулась во что-то твердое, и понял, что достиг крыши или, по крайней мере, какого-то подобия потолка. В темноте, подняв руку и ощупав препятствие, я обнаружил, что оно каменное и неподвижное. Вслед за этим я совершил опасный оборот внутри башни, цепляясь за все, что мог отыскать на этой осклизлой стене, покуда моя испытующая ладонь не наткнулась на какое-то не столь монолитное препятствие - я тотчас же вновь потянулся ввысь и головой приподнял то ли плиту, то ли дверь.

Света наверху не было, и как только я вытянул руку вверх, то тут же понял, что мое восхождение отнюдь не завершилось, поскольку плита оказалась своеобразным люком, выходящим на ровную каменную поверхность, причем гораздо большего диаметра, чем нижняя часть башни, и, несомненно, являющуюся полом высокой и просторной смотровой галереи. Я осторожно пролез через отверстие и хотел было придержать дверцу люка, предотвратить ее падение на прежнее место, однако это мне не удалось. Лежа на каменном полу, я, обессиленный, слышал зловещее эхо от удара, но надеялся, при необходимости, снова поднять дверцу.

Веря в то, что наконец-то оказался на достаточной высоте, намного превышающей проклятые заросли леса, я оторвал свое тело от пола и стал шарить в темноте в поисках окон, в надежде впервые увидеть через них небо, луну и звезды, о которых столько раз читал в книгах. Однако меня ждало полное разочарование, поскольку руки мои всюду натыкались лишь на громадные мраморные полки, уставленные иссохшими удлинненными ящиками самых зловещих очертаний. Я все больше поражался тому, какие же многовековые секреты могли таиться в этих высоких апартаментах, коль скоро их на столько эпох отрезали от всего остального, располагавшегося внизу замка.

Неожиданно мои руки провалились в нечто похожее на дверной проем, окаймленный своеобразной каменной коробкой, которую покрывала странная, причудливая резьба. За ней располагалась сама дверь - попробовав открыть ее, я обнаружил, что она заперта; однако, как следует поднатужившись, все же смог преодолеть сопротивление, и, открыв дверь, испытал невообразимый восторг, почти экстаз, подобного которому не знал в течение всей своей жизни. Дело в том, что сразу за дверью начинался узкий и короткий проход, в конце которого находилась украшенная декоративными узорами металлическая решетка, и за ней я сразу же увидел спокойное сияние полной луны, видеть которую мне доводилось лишь во сне да еще в тех смутных видениях, которые я даже не смею назвать воспоминаниями.

Предположив, что достиг самой вершины башни замка, я собирался было немедленно броситься вперед по лестнице, однако внезапно наплывшие облака скрыли от меня лунный свет, и я тут же споткнулся, после чего был вынужден снова на ощупь продвигаться вперед. Было все еще очень темно, когда я, наконец, добрался до решетки. Я потрогал ее рукой и убедился в том, что она не заперта, хотя и не стал сразу ее открывать, опасаясь падения с головокружительной высоты. И в тот же момент на небе снова показалась луна.

Самым демоническим из всех уготованных живому существу потрясений является то, которого никогда в жизни не ожидаешь и поверить в возможность которого просто невозможно. Из всего того, что мне доводилось пережить прежде, ничто не шло ни в какое сравнение с тем, что я увидел в тот момент, когда передо мной предстали эти фантастические чудеса. Само по себе зрелище было столь же простым, сколь и ошеломляющим. А увидел я вот что: вместо поражающей воображение панорамы верхушек деревьев, которые я ожидал увидеть со столь безумной, почти запредельной высоты, передо мной простиралась располагавшаяся чуть ли не на одном уровне с резной решеткой абсолютно голая земля, которую отчасти украшали, внося в безрадостный пейзаж некоторое разнообразие, блеклые мраморные плиты и колонны, казавшиеся еще более темными из-за нависавшей над ними тенью от старинной каменной церкви, чей полуразрушенный шпиль призрачно поблескивал в лучах лунного света.

Не вполне отдавая отчета в собственных действиях, я открыл створку решетки и робко вышел на покрытую белым гравием дорожку. Мой рассудок, продолжавший пребывать в ошеломленном, хаотичном состоянии, по-прежнему отчаянно стремился к свету, и остановить меня не могло даже представшее передо мной фантастическое зрелище. Я не знал, а впрочем и не особенно мучил себя сомнениями относительно того, было ли пережитое мною безумием, сном или волшебством, но был преисполнен решимости любой ценой посмотреть на столь желанные и так долго вынашиваемые в моих сокровенных мечтах веселье и блеск. Мне было неизвестно, кто я, что я и где оказался, и все же, продолжая продвигаться вперед, я внезапно почувствовал, как в мозгу словно бы шевельнулись отголоски каких-то смутных, боязливых, глубоко потаенных воспоминаний, а потому продвижение мое нельзя было назвать движением только наугад.

Пройдя под аркой, я покинул пространство плит и колонн и пошел по открытой местности, большей частью ступая по отчетливо различимой дороге, но иногда, любопытства ради, сходя с нее, чтобы пересечь дикие луга. Однажды я переплыл через быструю речку, у берега которой рассыпающиеся на части и поросшие мхом следы каменной кладки указывали на существование давно разрушенного моста.

Больше двух часов минуло, пока я достиг того, что вроде бы являлось целью моего путешествия - древнего, густо покрытого зарослями вьющихся растений замка в пустынном и диковатом парке - безумно знакомого, и все же обескураживающе странного. Я увидел, что окружающий строение крепостной ров заполнен водой, а некоторые из хорошо знакомых башен разрушены, тогда как на их месте воздвигнуты новые сооружения, смущавшие воображение случайного путника.

Но главный мой интерес и восторг вызвало то, что я увидел открытые окна, пылающие от исторгавшегося сквозь них света, и услышал шум веселой пирушки. Приблизившись к одному из окон, я заглянул внутрь и увидел довольно странно разодетую компанию. Раньше мне никогда не доводилось слышать человеческой речи, и потому я лишь догадывался о том, что именно там говорилось. Некоторые лица несли на себе выражения, вызывавшие в моей памяти смутные воспоминания, тогда как другие оставались совершенно незнакомыми.

Через низкое балконное окно я вошел внутрь ярко освещенной комнаты и, как выяснилось, совершил тот самый шаг от лучезарного и сверкающего мгновения надежды к самому черному содроганию отчаяния и прозрения. Кошмар наступил очень быстро, поскольку, как только я вошел, произошло, пожалуй, самое поразительное и ужасающее из всех событий, которые мне довелось видеть в своей жизни. Едва я ступил через порог, как всю компанию словно охватил внезапный, дикий страх, отчего лица всех исказились, а их глотки исторгли из себя крики самого неподдельного ужаса. Состояние это, казалось, было всеобъемлющим, просто обвальным; в наступившем шуме и панике некоторые даже свалились в обморок. Некоторые стали прикрывать лица руками, и вслепую, неуклюже бросались куда-то, очевидно, ища путь к спасению, переворачивали мебель и натыкались на стены, прежде чем им удалось распахнуть одну из многочисленных дверей.

Крики этих людей могли свести с ума кого угодно, и пока я в полном уединении стоял в сияющем зале и с изумлением вслушивался в эхо их удаляющихся криков, мысли мои невольно и довольно тревожно блуждали вокруг самых немыслимых предположений о том, что же было во мне особенного, что вселило в них такой ужас. При поверхностном взгляде комната казалась мне совершенно опустевшей, однако как только я подошел к одному из стенных углублений, мне показалось, что я заметил там чье-то присутствие - намек на какое-то движение под золотистой аркой, которая вела в соседнюю и, казалось, такую же комнату, как и та, в которой я находился. Подходя к арке, я стал более отчетливо различать это присутствие, после чего с первым и последним когда-либо изданным мною звуком - ужасным завыванием, которое вызвало у меня такое же резкое отвращение, как и его чудовищная причина - я со всей живостью и во всей полноте увидел непостижимого, неопишуемого монстра, который одним лишь своим появлением превратил веселую компанию в скопище обезумевших беглецов.

Я не в состоянии даже приблизительно описать, что это было такое, ибо оно представляло собой сплошную мешанину всего самого омерзительного, грязного, порочного, злобного, ненормального и отвратительного. Это было зловещее олицетворение какого-то распада, дикой ветхости и полнейшего разложения; гнилостное, сочащееся зловонием существо-призрак, явившееся из какой-то неведомой вселенной - чудовищное проявление всего того, что земля доселе милосердно прятала от всего остального мира. Бог свидетель, это было существо не с этого света - или уже не с этого? - и все же к своему ужасу я различил в его выеденной, обнаженной плоти злобную и омерзительную пародию на человеческий облик, причем в своем обветшалом, почти истлевшем облачении оно ошеломило меня еще больше.

Я стоял, словно парализованный, однако не настолько, чтобы не быть способным хотя бы попытаться бежать. Невольно отшатнувшись, я обо что-то споткнулся, но так и не преодолел того колдовства, которым сковало меня это безымянное и безгласное чудовище. Веки мои, словно подчиняющиеся взгляду гнусно всматривавшихся в них остекленевших глаз чудовища, отказывались сомкнуться; впрочем, судьбе было вольно сжалиться надо мной, наделив меня близорукостью, и потому после пережитого шока я видел перед собой сильно расплывчатый образ. Я попытался было заслониться, хоть как-то отгородиться от него ладонью, однако нервы мои были настолько напряжены, что рука лишь слабо подчинялась моей воле. Сделанной попытки, однако, оказалось

достаточно, чтобы нарушить равновесие моего тела, и потому, чтобы не упасть, я инстинктивно сделал несколько шагов вперед.

Едва это случилось, как я со всей ужасающей, внезапной отчетливостью почувствовал близость этого гниющего существа, глухое, зловещее дыхание которого, как мне казалось, я мог даже расслышать. Чуть ли не сходя с ума от отвращения, я все же нашел в себе силы протянуть вперед руку, лишь бы заслониться от этого гнусного зрелища, которое оказалось от меня так близко, и на какое-то леденящее душу мгновение бездонного кошмара пальцы мои прикоснулись к полуразложившейся протянутой руке стоявшего в проеме золотистой арки монстра.

Я не закричал, но в то же мгновение все злобные, враждебные вампиры, упыри и вурдалаки, кочующие с ночными ветрами, завопили вместо меня, поскольку в тот самый миг на мое сознание рухнула единая и стремительная лавина сокрушающего душу воспоминания. В ту же самую секунду я понял, что именно все это было; я вспомнил и этот странный замок, и деревья; воскресил в своей памяти это величественное помещение, в котором сейчас оказался; и, что самое ужасное, узнал это нечестивое, омерзительное чудовище, которое стояло передо мной, едва только оторвал от него свои замаранные пальцы.

Однако космос таит в себе не только горечь и страдание, но также утешение и исцеление, и исцеление это именуется забвением. В мгновения того бездонного ужаса я совершенно забыл, что именно вселило в меня такой ужас, и всплеск черных воспоминаний вновь исчез в хаосе фрагментов смутных образов. Словно во сне я бросился прочь из этого заколдованного, проклятого дома, быстро и молча побежал, освещаемый лучами лунного света. Вернувшись на то кладбище с мраморными колоннами и плитами, я спустился по ступеням, но обнаружил, что каменный люк закрыт. Впрочем, я отнюдь не опечалился, поскольку теперь уже всей душой ненавижу и свой древний замок, и те деревья...

Теперь я мчусь в потоках ночного ветра в компании с подразнивающими и дружелюбными привидениями, а днем играю среди катакомб Нефрен-Ка в опечатанной и неизведанной долине Хадота на Ниле. Я знаю, что свет - это не для меня, если не считать света луны, восходящей по ночам над каменными гробницами Нэба; неведомо мне и какое-то веселье, если не считать таинственных пиршеств Нитокрис под Великой пирамидой. И все же в моей новой дикости и свободе я почти упиваюсь горечью от осознания своего статуса инородного тела, чужака.

И хотя забвение полностью успокоило меня, я навсегда запомню и всегда буду знать, что являюсь чужаком, пришельцем в этом времени и этом мире, населенном теми, кто все еще является людьми. И узнал это я именно тогда, когда протянул свои пальцы к тому чудовищу, стоявшему под сводами прекрасной золотистой рамы; протянул - и прикоснулся к холодной, твердой поверхности полированного зеркала...

Перевод: Э. Серова

1993 год